

Хань Юйи нерешительно брела по дороге, то и дело останавливаясь. В голове снова начали роиться тревожные мысли: что же с ней происходит в последнее время? Смутное предчувствие терзало душу, но заглянуть вглубь себя она боялась. Пожалуй, всё дело в собственническом чувстве по отношению к Нин Цзючэнь. Раньше, когда она была неотступно привязана к ней, никто не мешал их общению, а теперь вокруг Нин Цзючэнь вечно выются всякие никчемные людишки, словно назойливые мухи, доводя её до белого каления.

Стоило представить, как Нин Цзючэнь покинет дворец, переедет в собственную резиденцию принцессы и выйдет замуж, как сердце Хань Юйи болезненно сжималось. Почему же вместо того, чтобы искренне порадоваться за неё, она чувствовала такую невыносимую боль и едва сдерживала слезы?

Хань Юйи принялась успокаивать себя: должно быть, всё дело в том, что Нин Цзючэнь слишком совершенна. Никто в мире не достоин её, вот она и переживает, как бы та не ошиблась в выборе. Да, именно беспокойство. И грусть её вызвана лишь тем, что в будущем она не сможет сопровождать Нин Цзючэнь в её новый дом. Да, именно так, не иначе. Но чем дольше она размышляла, тем тяжелее становилось на душе.

Нет, всё не так. Она ведь шла к рассудительной И Фэн, чтобы излить душу, почему же позволила И Цин так легко сбить себя с толку и уйти? Да и её извинения перед И Цин вообще не имели к ней никакого отношения. К тому же И Фэн не из тех, кто держит обиду, наверняка они уже помирились. Пожалуй, стоит вернуться к ним — втроем будет проще разобраться в её сумбурных мыслях.

Снова войдя во дворик И Фэн, она почувствовала нечто странное — ощущение было ещё более гнетущим, чем прежде. Если раньше здесь царила пугающая тишина, то теперь до слуха доносилось невнятное мяуканье. Странно, ведь в Павильоне Мусян Нин Цзючэнь не терпела кошек, и их было запрещено держать. Неужели И Фэн завела кошку тайком? Нужно будет предупредить её, чтобы была осторожнее и не попалась.

Сделав еще пару шагов, Хань Юйи готова была посмеяться над собственной глухотой. Не зря ли она несколько лет училась боевым искусствам у Нин Цзючэнь, если даже голос И Фэн принимает за кошачий? Обычно голос И Фэн звучал мягко и благородно, а сейчас... Низкий, слегка хриплый тембр, а к нему примешивалось прерывистое, тяжелое дыхание.

Раздавался и какой-то ритмичный стук — не звонкий, а глухой, но очень частый. Должно быть, это деревянная мебель билась о что-то. И почему не слышно голоса И Цин? Неужели они поссорились?

Эта мысль казалась всё более правдоподобной. Этот ритмичный стук — наверняка они в пылу ссоры швыряют вещи. Скорее всего, это И Фэн достается, ведь её голос так изменился — должно быть, ей очень больно. К тому же всё в этой комнате принадлежит И Фэн, значит, ломают её вещи, что делает ситуацию еще печальнее.

Хань Юйи вдруг подумала, что И Цин ведет себя подло. На людях так ластится к И Фэн, а за

закрытыми дверями обижают её. Хань Юйи даже почувствовала гордость за себя: вот я тоже липну к Нин Цзючэнь, но никогда её не обижаю. Хотя, конечно, с моей силой и духом я бы и не смогла, но главное — у меня и мыслей таких не возникало. А Нин Цзючэнь еще вечно ворчит, что я доставляю хлопоты. Разве я не куда послушнее, чем И Цин?

Подойдя к дверям, Хань Юйи заволновалась: голос И Фэн уже дрожал, словно она плакала, а стук дерева о пол стал еще громче. Это уже ни в какие ворота не лезет! Как можно так довести человека до слез? Если она сейчас не вмешается и не помирит их, последствия могут быть плачевными, и И Цин потом сама пожалеет.

Рука Хань Юйи уже потянулась к двери, как вдруг она услышала голос И Цин:

— В следующий раз я буду нежнее. В первый раз не рассчитала силы, не сердись, это всё потому, что Фэн-эр такая соблазнительная.

— Замолчи, — И Фэн, пытаясь скрыть смущение, старалась придать голосу холодность, глядя на человека сверху, — помедленнее, мне больно. В следующий раз ты будешь снизу.

— Еще чего! Фэн-эр такая милая и сладкая, как я могу удержаться? Нет, это всё твоя вина.

И Цин с усмешкой разглядывала ту, что лежала под ней, осыпая её ласковыми словами, но руки её не знали покоя. Каждое движение было стремительным и глубоким. Словно две части одного целого, их тела слились в идеальном ритме, подобно рыбе в океане. Словно два огнива, высекающие искры, они разжигали пламя, способное поглотить всё вокруг.

И Фэн больше не могла сдерживать напор И Цин.

— М-м... — стон едва не вырвался наружу, но она закусил губу до боли, не желая издать ни звука. Стыд был невыносим, она не привыкла к такому.

Но И Цин не собиралась отступать, вынуждая её выдать этот запретный, такой нехарактерный для неё звук. Не желая проигрывать, И Фэн потянула И Цин за собой, прижав её голову к себе.

— Ты что... — И Цин не успела договорить, как И Фэн запечатала её губы поцелуем. И Фэн всегда была менее решительной, но это был лучший способ заставить ту замолчать.

Она не умела проявлять инициативу, как И Цин, но знала: у этой беззаботной на вид девушки есть в сердце святое место, и она, Хань Юйи, тоже в нем была.

У каждого следствия есть причина. И Цин так отчаянно цеплялась за неё из-за страха, и Хань Юйи прекрасно понимала, чего именно та боится. Единственное, что она могла сделать — это позволить ей всё.

Её поцелуй был нежным, касаясь не только губ, но и самой души. В отличие от поспешности И

Цин, она знала, как успокоить её.

Хань Юйи, услышав этот диалог и почувствовав неладное, замерла у двери. Её рука лежала на дереве, но она не решалась войти.

И Цин в спешке забыла запереть дверь на засов. Даже легкого касания Хань Юйи хватило, чтобы дверь приоткрылась со скрипом.

Полог кровати был опущен, сквозь полупрозрачную ткань виднелись лишь переплетенные силуэты. Тот самый звук, который так озадачил Хань Юйи, был лишь стуком ножек кровати о пол при сильной раскачке.

Неужели они там дерутся? Так ведь и кровать сломать можно. Но это казалось нелепым — И Фэн была слишком рассудительна для таких глупостей. Если бы это были мужчина и женщина, она бы точно подумала не то, но ведь это две женщины... что они могут делать?

Хань Юйи хлопнула себя по лбу. О чем ты только думаешь! Вечно всякая ерунда в голове. Стоит ли ей подать голос или молча войти и разнять их? Она снова принялась терев пальцы, погружаясь в пучину сомнений.

То, что Хань Юйи оказалась такой непонятливой, было неудивительно — во многом виновата была Нин Цзючэнь. Она попала во дворец подростком, где её учили лишь традиционным представлениям о браке между мужчиной и женщиной. А после того случая, когда она чуть не утонула, Нин Цзючэнь запрещала ей покидать Павильон Мусян в одиночестве.

Не то чтобы это было заточение, просто Нин Цзючэнь боялась, что Хань Юйи попадет в беду — ведь из-за особого расположения принцессы у неё было немало завистников. Поэтому о том, что служанки могут состоять в подобных отношениях, она даже не слышала.

— Ты слышала сейчас, будто кто-то дверь открыл? — прошептала И Фэн.

— Нет, не слышала. Хочешь, проверю? — И Цин приподняла край полога и посмотрела на дверь. Там никого не было.

— Ты просто хочешь отвлечь меня. Вижу, у тебя еще много сил, значит, я не буду тебя щадить.

И Цин снова навалилась на неё.

Хань Юйи, поспешно прикрыв дверь, бросилась прочь. Сердце её бешено колотилось. Она использовала технику легкости, которой её обучила Нин Цзючэнь, и скрылась так быстро, что И Цин её не заметила.

Оказывается, между женщинами может быть такое... Это перевернуло всё её представление о мире. Лицо Хань Юйи горело, словно кипятик. Она не видела себя, но понимала, что сейчас краснее, чем запеченное мясо.

Хотя она и сбежала быстро, но зрение у неё было отменным. Когда И Цин приоткрыла полог, она успела разглядеть всё в подробностях.

Они были обнажены и переплетены телами, и даже заметила движения рук И Цин. Даже самая последняя дурочка, увидев такое, поняла бы всё до конца.

Значит, И Цин так липнет к И Фэн, потому что любит её? А то, что И Фэн не хочет покидать дворец, означает, что это взаимно?

Она словно открыла дверь в новый мир, и мысли понеслись вскачь, как дикие лошади. Чем дальше она думала, тем сложнее становилось совладать с собой.

Если чувства И Цин к И Фэн — это любовь, то как насчет неё? Не то же ли самое она чувствует к Нин Цзючэнь?

Эта мысль казалась пугающе верной. Неужели она любит Нин Цзючэнь, самую любимую принцессу? Значит, её собственничество — это просто ревность, которую она не могла вынести? Значит, она ненавидела всех, кто смотрел на Нин Цзючэнь, потому что не могла вынести даже взгляда другой стороны?

Хань Юйи охватила паника. Она не смела вернуться в боковой зал, не смела встретиться с Нин Цзючэнь. Она боялась, что, вспомнив увиденное, начнет предаваться непристойным мыслям. Она бежала, не разбирая дороги, и вскоре оказалась за пределами Павильона Мусян.

Погруженная в свои мысли, она не заметила, как забрела в глухое место. И прежде чем она успела осознать, что за ней следят, её ударили по голове, и она потеряла сознание.

<http://bllate.org/book/21621/2230360>